

Квазирелигиозная формула — «Ленин сегодня»

Преломлением религиозной формулы «Царь — это Христос сегодня» в коммунистической идеологии являлось определение очередного генерального секретаря как «Ленина сегодня». Ритуальное посещение мумии вождя мирового пролетариата воссоздавало мистериальные формы культа легендарного предка прародителя. Удивительной откровенностью своего религиозного содержания (в духе буддизма) оду Ленину в поэме «Лонжюмо» представил А. Вознесенский:

Я думаю, что гениальность
Переселяется в других.
Уходят времена и числа.
Меняет гений свой покров.
Он — дух народа.
В этом смысле
Был Лениным Андрей Рублев.
Как по архангелам келейным
порхал огонь неукротен.

И, может, на секунду Лениным
Был Лермонтов и Пугачев.
Но вот в стране узкоколейной,
шугнув испуганную шваль,
в Ульянова вселился Ленин,
Так, что пиджак трещал по швам!
Он диктовал его декреты,
Ульянов был его техредом...
И часто от бессонных планов,
упав лицом на кулаки,
Устало говорил Ульянов:
«Мне трудно, Ленин, помоги!»

В советской квазирелигиозной идеологической традиции проводилось подобное же противопоставление Ленина — вождя (фактически — Бога) и Ульянова — человека. Этот миф удалось поэтически выразить В. В. Маяковскому:

Коротка
и до последних мгновений
нам
известна
жизнь Ульянова.
Но долгую жизнь
товарища Ленина
надо писать
и переписывать заново.

У А. Вознесенского Ленин — сверхчеловек, даже способен выходить за рамки живой плоти Ульянова:

Когда он хаживал с ружьишком,
Он не был Лениным тогда,
А Ленин с профилем мужицким
Брал легендарно города!

На мифологическом уровне массового восприятия само наименование вождя — Владимир Ильич Ленин вызывало ассоциации и с Владимиром (владеющим миром) Красное Солнышко, и с Ильей, карающим пророком. При Сталине Ленин возводился в ранг бога — отца, по отношению к которому гене-

ральный секретарь выступал наследником. Советская троица Маркс — Ленин — Сталин символизировала преемство харизмы великого учителя. Постсталинская троица Маркс — Энгельс — Ленин уже была демифологизирована и не выражала идею единой связи времен через образ пророка. Разоблачение культа Сталина на XX съезде прерывало традицию харизматического преемства. Десталинизация подразумевала демифологизацию, а потому и десакрализацию советской власти. Ленин из легендарного прародителя нации был превращен поколением шестидесятых всего лишь в «самого человеческого человека», «доброего дедушку». Попытки религиозного возрождения культа Ленина без реанимации культа Сталина были обречены. Последующее отрицание коммунистической номенклатурой харизмы Хрущева и Брежнева и привело в конечном итоге к параличу государственной власти. Отсутствие сакральной преемственности с 1924 г. ставило под сомнение сакральную природу самого советского государства, основанного на Революционном Откровении 1917 г.³³

Перспективу стать мифологической фигурой отца — основателя национального государства имел Ельцин. В период зенита его политического рейтинга распространялись даже слухи, что он сын чудом спасшегося и проживавшего в Свердловской области Николая II (отсюда отчество Николаевич). Но, эволюционируя от образа народного борца с чиновничьей неправдой и «лжехаризматиком» Горбачевым к образу боярского царя, Ельцин постепенно утрачивал сакральный ореол и даже подвергался демонизации. Сценарий передачи им харизматических полномочий преемнику — президенту как бы вновь актуализировал реинкарнационную мифологию посвящения во власть.